

Далеко не в каждой сгустке духовной энергии ему удавалось различить заключённую внутри волю. В конце концов, это была лишь духовная энергия, пропитанная ци меча, а иная подверглась ещё и вторичному воздействию, так что воля мечников в ней уже успела померкнуть.

Однако Гу Цзыцзю невредимым прошёл уже больше десятка шагов – значит, этот способ работал.

Он сразу достал маленькие заготовки мечей – по одной в каждую руку. Выглядели они чрезвычайно грубо, словно железные прутья длиной с руку. Гу Цзыцзю взмахивал ими обеими: колол, отводил, поддевал, пронзал... Обладая кто-нибудь достаточной проницательностью, он бы заметил, что прежде чётко разделённые и мирно сосуществовавшие вокруг Гу Цзыцзю сгустки духовной энергии под воздействием внешней силы столкнулись и принялись теснить друг друга. Вокруг сразу стало оживлённо.

Продвигаясь вперёд целый час, Гу Цзыцзю наконец остановился и сел медитировать. Со всех четырёх сторон сгустки духовной энергии разбились на пары и яростно сражались, так что место, где он устроился, напротив, превратилось в островок покоя.

Восстановив дыхание, Гу Цзыцзю начал доставать заготовки мечей. Не две, а целых пятнадцать. Причём две из них уже превратились из грубых железных прутьев длиной в полруки в маленькие мечи размером с ладонь. Правда, духовное сияние на них вспыхивало и гасло беспорядочно, поэтому они всё ещё оставались лишь полуфабрикатами.

Оказалось, хотя прежде Гу Цзыцзю с начала и до конца словно бы держал всего две заготовки, на самом деле он постоянно заменял их другими из сумки-хранилища. Каждая заготовка соприкасалась только со сгустками духовной энергии одного и того же свойства, поэтому, если присмотреться, духовное сияние на них тоже различалось.

Перебирая маленькие заготовки, Гу Цзыцзю вновь и вновь смаковал разные свойства, которые воплощал каждый из будущих мечей.

С самого начала и до нынешнего мгновения даже озарения, связанные с призраками, убийством и тому подобным, не несли в себе ничего мрачного или зловещего. Все озарения, накопленные здесь сектой Меча, были праведными и чистыми. Казалось бы, эти мечники

следовали разными путями, но ни один из них не свернул на кривую дорожку. Гу Цзыцзю нравились эти озарения – каждое дарило ему удивительно прекрасное чувство.

Жаль продавать... Пожалуй, первые мечи каждого вида я оставлю себе, а на продажу выставлю уже вторые, такие же.

Убрав заготовки, Гу Цзыцзю поднялся, полный боевого духа. Ради новых заготовок мечей стоило постараться!

Три с половиной месяца спустя Гу Цзыцзю, достигший средней ступени Заложения основы, ранним утром вернулся верхом на деревянном цилине, подаренном Ни Сяоцзинем!

– Младший соученик! Погоди медитировать! – ещё не приземлившись, он замахал Дуань Шаобо, который собирался сесть у озера.

Ныне Дуань Шаобо находился на третьей ступени Очищения ци и выглядел юношей одиннадцати-двенадцати лет, тогда как спрыгнувший с цилиндра Гу Цзыцзю уже превратился в рослого парня лет восемнадцати-девятнадцати. Дуань Шаобо немного завидовал, но куда сильнее радовался за него. Он улыбнулся Гу Цзыцзю:

– Поздравляю, старший брат!

Познав столько сгустков духовной энергии, Гу Цзыцзю стал гораздо чутче к переменам в настроении людей. А радость Дуань Шаобо предназначалась именно ему, отчего на душе стало особенно приятно. Довольный, он погладил младшего соученика по голове.

Теперь понятно, почему наставник любит гладить меня. И впрямь очень приятно.

– Вот умница. Я принёс тебе сахарный боярышник! – Гу Цзыцзю достал из сумки-хранилища красный, блестящий сахарный боярышник в сахарной глазури.

– А? – на этот раз Дуань Шаобо был по-настоящему обрадован.

Он был рассудительным ребёнком, но всё-таки ребёнком. Каждый день облизывать пиллюлю

отсечения злаков – это же невыносимая мука! Как хорошо, если можно полакомиться хоть чем-нибудь. Однако Дуань Шаобо был ещё и послушным ребёнком:

– Но разве наставник не говорил...

– Не бойся. На вид это сахарный боярышник, но на самом деле он приготовлен из духовных плодов и сахара бессмертных, извлечённого из таких же плодов. Тебе его можно есть, и твоей культивации он даже пойдёт на пользу.

– Спасибо, старший брат!

Обрадованный ребёнок поднял сахарный боярышник и уже собирался откусить, как вдруг заметил, что Гу Цзыцзю не сводит с него глаз.

– Старший брат... ты тоже хочешь?

Дуань Шаобо подумал: Старший брат ушёл больше чем на три месяца, а наставник всё сокрушался, что не учёл его чрезмерного упрямства. Перед уходом он велел ему не возвращаться, пока тот не достигнет средней ступени Заложения основы, но ведь... почти не дал ему вещей для защиты. А если бы старший брат умер с голоду снаружи?

Теперь он вернулся и даже принёс мне угощение. Наверняка потратил на эту безделицу все духовные жемчужины, которые успел накопить снаружи.

Если бы системный помощник узнал, о чём думает Дуань Шаобо, то непременно сказал бы: «Дитя, ты слишком много надумал».

– А? Ты хочешь вернуть его мне? Тебе не нравится?

– Нет, – решительно возразил Дуань Шаобо, после чего серьёзно добавил: – Конечно, мне нравится. Именно поэтому я хочу поделиться со старшим братом.

– ...Хорошо!

Кто-то впервые захотел с ним поделиться – это даже слегка взволновало Гу Цзыцзю.

– Старший брат, ешь!

Дуань Шаобо поднял сахарный боярышник, а Гу Цзыцзю наклонился, откусил верхний плод и съел его.

[Хозяин, ну как тебе? Радостно? Делиться с другими – одна из прекрасных сторон жизни o(∩▽∩)o]

[Что я почувствую от лакомства, которое уже успело мне надоесть? Ничего...]

Теперь Гу Цзыцзю не был ни огорчён, ни рад, а недавнее лёгкое волнение и вовсе бесследно рассеялось.

Увидев, что Гу Цзыцзю съел плод, Дуань Шаобо радостно ему улыбнулся и лишь после этого принялся за сахарный боярышник. Ел он точно так же, как по дороге в секту Меча: придерживал палочку одной рукой, а другой брался сбоку и откусывал понемногу, изредка обгрызая прилипший к шпажке сахар или мякоть. Время от времени он поднимал голову и улыбался Гу Цзыцзю.

Тогда Дуань Шаобо казался милым и понятливым ребёнком. Теперь же он стал юношей и заметно вытянулся, а к прежним миловидности и рассудительности добавилась утончённость.

Гу Цзыцзю поднял руку и погладил его по голове.

[Вот теперь чувство правильное. Очень приятное, прекрасное...]

[→_→]

[Что это значит?]

[Я же говорил, хозяин не может отключать меня.]

[Хорошо.]

[Хозяин, ты же знаешь, у каждого бывают свои странные пристрастия. Может... у тебя склонность к детям?]

Будь у системного помощника тело, произнося эти слова, он наверняка втянул бы голову прямо в грудную клетку. Но тела у него не было, поэтому голос лишь слегка дрожал.

[Склонность к детям? Я понимаю, что ты имеешь в виду, но нет. Мне просто нравится ощущение под ладонью, оно приятно и успокаивает. Никаких дальнейших желаний у меня нет.]

Гу Цзыцзю ничуть не рассердился и, напротив, спокойно проанализировал самого себя, а под конец добавил:

[Вот так гораздо лучше, никакой пустой болтовни. В дальнейшем можешь высказывать любые догадки обо мне. В конце концов, сам я не способен ясно увидеть себя со стороны. Если бы я и вправду кого-нибудь полюбил, это было бы даже хорошо...]

[Хе... хе-хе...] – системный помощник глуповато рассмеялся. [Да, хозяин. В будущем я непременно стану хорошим хозяином, который всегда высказывает побольше полезных советов.]

(J`□')J`**LL** вот же дебил!!

И непонятно ещё, кого он назвал слабоумным – себя или Гу Цзыцзю...

– Младший соученик, а где наставник?

– Ха! Ха! Ха! Ученик, ты вернулся?

Никто не знал, как долго Ли Биньчэн там простоял, но появился он совершенно точно не только что.

Гу Цзыцзю на месте повернулся налево:

- Этот ученик достиг средней ступени Заложения основы и прибыл доложить об исполнении наставления.

Дуань Шаобо тоже поклонился, держа в руке сахарный боярышник, после чего слегка смутился: вместо культивации он предавался чревоугодию.

Ли Биньчэн смерил Гу Цзыцзю мёртвым рыбьим взглядом, затем перевёл глаза на Дуань Шаобо, и его лицо мгновенно смягчилось:

- Ешь. Закончишь - продолжишь упражняться. Раз тебе нравится, впредь наставник тоже будет тебе покупать.

Дуань Шаобо покраснел ещё сильнее. Можно подумать, он какой-то обжора! Тем не менее он послушно согласился и доел последние два плода - не проглотил их второпях, а ел всё так же, как прежде.

Снова посмотрев на Гу Цзыцзю, Ли Биньчэн произнёс с явным беспокойством:

- Твоя культивация... растёт слишком быстро.

(:з»∠) Не смотаться ли мне тайком ещё раз к заставе Цзоли? Куда подевались обещанные посредственные способности моего ученика? Почему его культивация растёт так, словно её воздухом надувают?!

Быстрый рост культивации далеко не всегда был благом. Основа могла оказаться непрочной, а в сердце один за другим плодились внутренние демоны. Погонишься за минутной выгодой - и впоследствии столкнёшься с непреодолимыми трудностями.

- Дай мне запястье.

- Да.

Ли Биньчэн сжал точку пульса Гу Цзыцзю и напрямую направил в его тело поток истинной сущности, тщательно проверяя его состояние. Однако, отпустив запястье ученика, он долго не произносил ни слова.

Ведь никаких признаков непрочной основы у Гу Цзыцзю не обнаружилось. Напротив, она была чрезвычайно крепка, а истинная сущность в теле отличалась куда большей плотностью и чистотой, чем следовало ожидать от человека на средней ступени Заложения основы. В даньтяне истинная сущность уже собралась в подобие тонких волокон, и в ней впервые проявилось подавляющее величие меча...

- Шаобо, упражняйся здесь сам. Наставник ненадолго уведёт твоего старшего брата.

Не дожидаясь ответа Дуань Шаобо, Ли Биньчэн по-прежнему держал Гу Цзыцзю за ворот и вместе с ним исчез.

Отправились они недалеко - всё к тем же окраинам камня Заточки Мечей, где три с половиной месяца назад Ли Биньчэн «бросил» Гу Цзыцзю.

- Цзыцзю, покажи наставнику, как ты обычно культивируешь.

Ли Биньчэн оставил на Гу Цзыцзю нить духовного сознания, однако привычки следить, как ученик ест, пьёт и справляет нужду, у него не было. Эта нить пробудилась бы лишь в том случае, если бы жизнь Гу Цзыцзю оказалась в смертельной опасности, а потому Ли Биньчэн не знал, как именно тот культивировал.

- Да.

Гу Цзыцзю поклонился, а выпрямившись, заложил левую руку за спину и вытянул перед собой правую. Сложив пальцы в мечевой жест, он выпустил из их кончиков белое сияние длиной в чи.

Это была не ци меча. Гу Цзыцзю ещё не достиг ранга мастера меча, а потому не мог сгустить

её. Он лишь придал собственной истинной сущности свойства окружающей духовной энергии, пропитанной ци меча.

Поначалу ему ещё приходилось полагаться на посторонние предметы – ветки или маленькие заготовки мечей, – но теперь он уже мог обойтись собственными силами. Гу Цзыцзю ринулся в гущу духовной энергии. Белое сияние то удлинялось, то втягивалось: он колол, поддевал, рубил, взмахивал снизу. Вся духовная энергия на несколько ли вокруг пришла в движение.

Когда эти потоки достигли равновесия, он прямо на месте сел, скрестив ноги, и начал поглощать духовную энергию, обращая её себе на пользу. Так повторялось снова и снова. Через день Гу Цзыцзю вышел наружу.

По выражению его лица Ли Биньчэн понял, что это ещё не всё.

И действительно, выбравшись наружу, Гу Цзыцзю сел, скрестив ноги, достал маленькую заготовку меча и принялся её закалять. Хотя для этого он использовал собственную истинную сущность, не всю её можно было назвать по-настоящему его. При нынешнем уровне культивации он мог поглотить лишь ограниченное количество духовной энергии, однако прервать поглощение тогда, когда ему хотелось, не получалось. Проще говоря, он объелся.

Избыточная истинная сущность, которую бесполезно было оставлять в теле, теперь шла на закалку маленьких заготовок.

Закончив закалку двух маленьких летающих мечей, Гу Цзыцзю поднялся:

– Наставник, вот так я и культивирую.

Ли Биньчэн кивнул и спросил:

– Ты знаешь, как культивируют на стадии Заложения основы другие ученики нашей секты?

– Знаю.